

КАК НАЧАЛАСЬ ВОЙНА

ВОСПОМИНАНИЯ О ПЕРВЫХ ТЯЖЕЛЫХ
ДНЯХ ВОЙНЫ.

Полк. Мухоме
234400 -

КАК НАЧАЛАСЬ ВОЙНА

В то время я служил в Литве, в должности Расейняйского уездного военного комиссара. Прибыл в Литву 10 декабря 1940 года, по окончании высшей военной школы штабной службы Красной армии в Москве. Мне было тогда 33 года. Воинское звание имел техника-интенданта I-го ранга, что по современному — старший лейтенант административной службы.

В Литве только что организовалась Советская власть, и мне вновь пришлось создавать службу местного военного управления /военкомата/, используя материалы Расейняйской военной комендатуры.

Двухэтажное каменное здание по наследству перешло от уездной военной комендатуры.

Уезд состоял: из уездного города Расейняй/Россиены/, города Юрбаркас /Юрбург/ и 13 волостей. Волости делились на 47 сельских советов. Уезд являлся пограничным, его северо-западная сторона, от города Юрбаркас, что на правом берегу р. Неман, протянулась на северо-восток примерно на 25-30 км в сторону города Тауроген, по границе Клайпедской области, захваченной немцами у Литвы в 1938 году. Далее, на восток, примыкал соседний Таурогский уезд, тоже пограничный.

Город Юрбаркас находился в 2,5 км от границы, город Тауроген в 7 км, а город Расейняй по прямой в 40 км от границы.

Первые пятнадцать дней я жил один, в одной из комнат комендатуры, и в одном учреждении работали два органа: Литовское старое, которое возглавлял полковник Лерманас, немец по национальности, и Литовское новое, которое представлял я, в единственном числе. Можно себе представить, каково мне жилось в те дни...

25 декабря, поздно вечером, раздался звонок телефона, телефонистка сообщает, что комиссара Горшкова вызывает город Кедайнай /соседний уездный центр на юго-западе от г. Расейняй/.

Я слушаю, ответил я телефонистке, и тут же слышу знакомый голос. Это Михайлов из Тутаева, прибыл на должность начальника I-й части Кедайнайского военкомата.

Он сообщает, что на должность начальника I-й части Шяуляйского уездвоенкомата прибыл Новиков, из города Ярославля, и что в Расейняй к тебе, в 12 часов ночи прибудет

лейтенант Громов, из города Шарьи, Костромской области.

Первые двое мои сослуживцы по Ярославской области и сокурсники по учебе в Москве в 1939-40 годах. Какая радость. Мне представилось, что теперь вся Ярославская область в Литве.

В 12 часов ночи прибыли лейтенант Громов Петр Васильевич. Снова радость, развязка в работе. Мы с Громовым неплохо устроились с квартирами. Мне любезно представили квартиру врачи Репшис в своем доме, на улице Эсперанто, 2. Громов тоже нашел квартиру в частном доме. В январе, по очереди съездили за семьями. Помню, 16 января, вечером, с женой и двумя малышами устроились в одном из двух мягких вагонов прямого сообщения Москва-Каунас. Я облегченно вздохнул, что трудности переселения позади, что в Каунасе нас встретит шофер с машиной, и что завтра мы будем в квартире всей семьей. Надоело жить раздельно и мне и жене. Малыши быстро заснули. Старшему было 4 года и 7 месяцев, а младшему только 7 месяцев, он родился 22 июня 1940г. И кто мог знать, что этому малышу, ровно через год, в день своего рождения, придется на руках у матери бежать от войны, между разрывов бомб и пожаров. А случилось именно так.

В соседнем купе нашего вагона ехал генерал-лейтенант с женой и дочерью лет шестнадцати. Я тогда еще не знал, что это был командующий II-й армии Морозов. Они тоже не могли знать, что на них надвигается непоправимая беда, что их цветущая дочь пропадет в огне предстоящей войны.

Не легко было создать аппарат военкомата, изучить литовский язык, перевести на русский язык все учтенные военно-экономические ресурсы уезда, провести приписку к призывному участку одного, очередного возраста допризывников, и конечно, выполнять большую работу, которую положено военкомату делать на случай войны или мобилизации Красной армии. Все это было сделано в основном к 20му мая 1941 года. Был дан нам уездисполкомом и легковой автомобиль немецкой фирмы "Адлер-Винд". Шофера республиканский военком обещал дать только осенью 1941г., во время очередного призыва. Поэтому обязанности шофера, как любитель, да и по необходимости выполнял сам, лично.

Штабных командиров кроме меня было еще трое: начальником первой части был лейтенант Громов П.В., третьей части-техник интендант I-го ранга КОЗЛОВ В.В., начальником административно-хозяйственной части-лейтенант КОЗЛОВ. Начальником второй части был принят молодой литовец, только что окончил местную гимназию

Анатолис Сельванос, в совершенстве владеющий русским языком. Он же был замечательным переводчиком. Его отец Владас Сельванос принят был писарем. Кстати, жена Владаса, мать Анатолиса, моя землячка. Она из города Данилова, жила в Петрограде, там вышла замуж за литовца Владаса, а в 1921 году переехали жить на родину мужа в г. Расейнай. Эту семью я нашел случайно. Была принята квалифицированная машинистка, жена медицинского, военного фельдшера. Непростительно забыл её фамилию. Дворником принял сержанта запаса Литовской армии Владаса Яблонскиса. Были приняты также несколько писарей и техническая служащая - жена Яблонскиса. Перечислил персонально работников потому, что до войны они выполняли громадную работу, и особенно, в первый день войны, о чем расскажу ниже.

О войне с Германией в Литве заговорили в феврале 1941 года, и особенно громко, по приезду к нам в город немецкого капитана в Советско-немецкую комиссию по переселению немцев из Литвы в Германию, а русских из Судетской области, захваченной немцами у чехов в 1938 году, в Прибалтику. Такие комиссии были организованы в каждом уезде.

Мне передавали заверения немецкого сопредседателя комиссии - капитана, из первых рук, что мы де "вот, вот так стукнем русских в Прибалтике, что они не успеют увезти своих пацат." Эти заверения немца подтверждались их действиями на границе. Там, с февраля, скрытно сосредотачивались их войска. Все это послужило массовым желанием семей командно-начальствующего состава частей Красной армии, выехать из Литвы в Россию. Для выезда из Литвы гражданским лицам нужно было получить разрешение - пропуск местного органа НКВД. Без пропуска, пограничники на старых наших границах с Литвой, не выпустят. Выезд семей был категорически запрещен, и пропуска не выдавались. Военкомам было запрещено разрабатывать план эвакуации семей командосостава Красной армии, даже на случай войны.

Всё это объяснялось тем, чтобы не дать повода немцам, первым начать войну.

На территории Расейнайского и Таурагского уездов, была расквартирована 125я стрелковая дивизия, командовал которой генерал-майор Богайчук, комиссаром дивизии был полковой комиссар Левченко.

В городе Расейнай стоял стрелковый полк и несколько мелких подразделений этой дивизии.

Тревога о войне с каждым месяцем нарастала. Командный и политический состав частей пограничных уездов, да и всей Литвы, ведя усиленную пропаганду за успокоение своих семей, в то же время просил вышестоящее командование, эвакуировать семьи из Литвы. Но эвакуацию семей не разрешили. Вместе с этим всему командному составу было приказано держать наготове полевую одежду и рещевые мешки с походными вещами. И это было очень правильно потому, как сосредоточение немецких войск на границе, не предвещало ничего хорошего.

Первого мая после парада, все боевые части из гор. Расей-ная вышлись к границе строить оборонительные сооружения. Вблизи Расейня строился аэродром, а на двух лесных полянах-грунтовые, запасные площадки, для возможного приземления самолетов. Для выполнения указанных работ были привлечены два строительных батальона по тысяче человек. В батальонах было по сто человек кадровых саперов, вооруженных винтовками и по одному станковому пулемету. Остальные были не обучены военному делу, тылополченцы.

21-го Мая состоялось в Каунасе, в республиканском военкомате совещание военкомов, начальников первых частей военкоматов и представителей войсковых частей. На совещании присутствовал Председатель Совмина Литвы тов. ~~Довунас~~. *Гегвилас*

Военкомы ожидали, что на этом совещании возникнет вопрос об эвакуации семей командного состава из Литвы. Однако, в плане совещания этого вопроса не было. В конце совещания, Вишняковский горвоенком, полковник Николаев, обращаясь ко всем присутствующим сказал:—"Почему мы не разрабатываем план эвакуации, ведь это нам положено?" Я поднял руку и мне дали слово. Я сказал: "Действительно, почему бы нам не разработать в закрытом порядке план эвакуации, хотя бы только семей командного состава, хотя бы только из пограничных уездов, на случай войны. Ведь мы знаем вероятного противника, знаем наличие у него большого количества танков и авиации, знаем его вероломство, наконец знаем сосредоточение его войск на нашей границе. Какое будет моральное состояние защитников Родины, когда они будут знать, что на их семьи сыплются снаряды и бомбы?"

Присутствующий на совещании представитель штаба особого Прибалтийского военного округа, интендант первого ранга "Ю" /я не забыл его фамилию/ "крестил" нас с Николаевыми чужими, когда-то сказанными заявлениями, не отвечающими ни времени, не создавшейся военной обстановке.

В заключении он сказал:—"Вы товарищ Горшков присвоей жизни еще не видели войны и уже торопитесь бежать от войны". Вот так, вместо обсуждения серьезного для жизни десятков тысяч людей вопроса, мы услышали детский лепет и оскорбления авансом. На этом закончилось совещание, Участники стали молча разъезжаться по уездам. Поехали и мы с Гроновым молча. Когда я поднял машину на крутой, правый берег Немана, Гронов сказал, а что товарищ комиссар, могут вас снять с должности за ваше выступление? Могут конечно, и я буду рад, если снимут или понизят в должности. Наступает очень ответственный период, а мы не готовы дать отпор. Так думают все, знающие обстановку. Мы с тобой знаем что у нас впереди и что сзади, по крайней мере на 100 километров. Знаем, что немцев у нашей границы в несколько раз больше, чем наших войск, а нам говорят, чтобы мы не беспокоились. Я высказал мысли всех присутствующих на совещании и пусть об этом подумают наши начальники.

В половине июня тревога о войне достигла наивысшего предела. Каждый командир, каждый воин пограничных уездов докладывали по команде о надвигающейся войне, о явных факторах её приближения. После объявления в центральной нашей прессе 14 июня заявления ТАСС о том, что болтовня на западе о готовящейся якобы войне СССР с Германией, ничем не оправдана, что просто хотят нас с Германией поссорить... Напряженность несколько спала. Однако, мало кто из командиров верил в миролюбие со стороны Гитлера. Лично я это заявление ТАСС понял, как вопрос нашего правительства Гитлеру. Верно ли мы заявляем? А Гитлер взял и не ответил, по крайней мере в прессе этого не было.

Числа 16 июня прибыл к нам Республиканский военком, старший батальонный комиссар Богданов. Он внимательно проверил нашу работу и одобрил. Обещал повысить разряд нашего военюмата в связи с большими объемами нашей работы, в связи с особыми условиями нашего уезда. Обещал возбудить ходатайство перед наркоматом обороны, о присвоении мне внеочередного воинского звания, так как мое звание было на две категории ниже занимаемой должности, но ничего этого сделать он не успел.

Я доложил комиссару, что не могу увязать важный вопрос со штабом дивизии, не отвечают на мой запрос. Кроме того, я еще раз напомнил ему о разработке плана эвакуации семей. Он мне сказал—" Не делай запрещенного варианта, обнаружат такие документы, тебя будем судить военный трибунал".

Затем он вручил мне предписание, выехать в г. Тауроген, проверить работу Таурогского военкомата и попутно договориться лично в штабе дивизии по интересующему нас вопросу. Об исполнении приказа доложить к 22 июня.

Не теряя времени, на следующий день я выехал в г. Тауроген. Уездвоенкомом там был старший политрук Ложов. В конце дня, часов в 17, один из работников военкомата проводил меня в штаб дивизии и познакомил с нужным мне работником штаба. Я сообщил ему цель моего приезда и завел разговор о делах. Вскоре подошел к нам еще один, а затем еще два штабных командира, и завели разговор о надвигающейся угрозе для их семей в Таурогене. Они доказывали мне, что немцы готовы в любую минуту напасть на нас, и они это сделают в ближайшие дни, не зря же они сосредоточили у нашей границы массу своих войск с артиллерией и танками. Наши семьи с первой минуты нападения немцев окажутся под артиллерийским огнем. Нужно немедленно эвакуировать семьи, об этом и нужно разговаривать товарищ военком. Я, соглашаясь с ними об опасности для их семей, пытался им внушить, что у них есть свой военком, больше того, есть командир и комиссар дивизии, с большими полномочиями чем я, поэтому нам нужно перейти к цели моего приезда к вам. Однако мне не удалось обратить их, с болезненно-переживаемого или вопроса о семьях. Они попросили меня пойти вместе с ними к комиссару дивизии полковому комиссару Левченко. Я согласился и мы направились утром. Помню, вышли мы из штаба на улицу, прошли небольшое расстояние и оказались у дома, где работал полковой нар комиссар Левченко. Товарищи сказали мне, что за этой дверью прихожая, а следующая комната комиссара, идите вы первыми, а мы в эйдём несюльцо позже. Я вошел, представился тов. Левченко и сообщил цель моего приезда в штаб дивизии. Я сказал комиссару, как болезненно переживают ваши командиры опасность для их семей, что по их просьбе я зашел к вам, что я целиком согласен с ними, и считаю необходимым эвакуировать семьи немедленно из городов Таурогена и Орбаргаса.

Полковой комиссар Левченко сказал, что мы давно ставим этот вопрос перед командованием армией и округом и не можем добиться положительного решения.

Вскоре вошел к нам командир дивизии генерал Богайчук. Левченко представил меня генералу и сказал, Расейнянский ээсиком говорит, что надо эвакуировать семьи немедленно. Генерал прохаживаясь по комнате, раздраженно сказал — "Знаем, что надо эвакуировать семьи, но запрещают категорически".

"Я помню когда я ушел от комиссара дивизии, но хорошо

помню, что выехали мы из Таурогена с постоянным моим спутником на машине Владасом Яблонским, в одиннадцатом часу вечера. Была светлая, тихая, теплая, летняя ночь. Широкая асфальтированная дорога г. Тауроген - г.р. Шауляй, в большей своей части проходит лесом. Нам по этой дороге нужно проехать 35 километров, а затем свернуть на право, через станцию Ви́дукле в Расейнай еще 31 километр. В воздухе видимо было много кислорода, потому что машина, как молодая лошадь, рвется бежать быстрее. Я глубоко задумался, решил представить себе, как будет если начнется война? И представил себе так: немцы начнут войну без объявления, внезапно, рано утром обрушат артиллерийские и бомбовые удары по городам Урбарнас и Таурогену, по всем нашим оборонительным сооружениям. Разрушения и пожары, гибель массы гражданских людей, беда в том числе семей ^и состава армии. Каково будет моральное состояние тех, кто должен драться с врагом, зная, что их семьи находятся под артиллерийскими и авиационными огнем? Семьи командного и начальствующего состава, пешком и на попутных войсковых машинах побегут из этих городов, в город Расейнай, просить у военкома защиты и пропусков на выезд из Литвы. Это жены, дети и матери защитников Родины, а мне запрещена эвакуация категорически. Какой кошмар!!! Меня по коже мурашки пробежали. Машину, незаметно для себя так разогнал, что чуть было не задавил дикую козу. Она выскочила на дорогу и пыталась убежать по дороге. Мой спутник, Владас Яблонский заметил мое скрытое возмущение и спросил, что с вами другас комиссарас? Я ответил, вспомнил одну неприятную историю. Это было давно, но вновь подействовало на меня чувствительно, даже ты заметил.

Вот в ту теплую, летнюю ночь, при возвращении из Таурогена, после беседы с командиром штаба дивизии, и с комиссаром Левченко, возбуждив в себе кошмарное состояние тем, что может произойти, я решил разработать план эвакуации семей ^и состава частей дивизии, в тайне от командования. Я считал, что когда случится война, разрешат эвакуировать семьи, но некогда будет готовить документы и тем более сманировать транспорт. На следующий день, точней ночью, отпечатал сам на восковке бланк удостоверения об эвакуации. Вместе с Громовым на механическом ротаторе отпечатали две тысячи удостоверений, поставили на них угловой штамп и гербовую печать военкомата.

Отпечатали бланки регистрационных списков, талоны на бесплатный обед в столовой кооператива "Майстас", и убрали все в мобкомнате под сейф. Лейтенанту Громову с 22 июня был предоставлен очередной отпуск. В этом случае ему выдали в НКВД на семью пропуск выехать из Литвы. Мне был отпуск разрешен с 25 июня. Каюе спокойствие.

22-е июня - день рождения моего младшего сына, ему исполнится год. Мы с Громовыми решили утром отпраздновать у меня день рождения моего сына, а затем я свезу Громовых на станцию Видукле, к поезду. До станции 20 километров. План наш был нарушен немцами.

В субботу, 21-го июня, в 21 час я ^{приехал} возвращаюсь с работы к себе на квартиру, на ул. Эсперанто, 2. В доме № 1 этой улицы жила жена командира стрелкового полка, Георгиевская. Подходя к дому, я увидел Георгиевскую и при ней несколько чемоданов и у дома машину с касками для бойцов. Я спросил Георгиевскую, может разрешили эвакуацию семей и вы уезжаете? Нет, Нет сказала она, муж сказал, что на границе спокойно. Я ездила к мужу в Тауроге и, и вот возвратилась домой. Мне показался её ответ не искренним, подозрительным, что-то она скрывает, и я ответил ей, что о "спокойствии" на границе мне известно, но неизвестно когда разрешат эвакуацию семей. Смотри на её живот, я сказал Георгиевской, что вам пора бы ложиться в родильный дом, а вы с чемоданами возитесь, опасно так. Да, вы правы, сказала она, но вот обстановка... На этом мы и разошлись.

Только пришел домой, следом за мной пришел дворник военкомата Яблонские. Он сообщает, вы нам с сержантом Ковтун приказали не спать ночь, а чтобы не дремать я настроил радиоприемник на Берлинскую волну, и знаете, немцы о Советском союзе говорят плохо, они что-то затевают. Яблонские немного знал немецкий язык. Я вернулся в военкомат. Владас переводит мне речь немецкого диктора. "Советский Союз подтянул к нашим границам много своих войск, советские нарушили наш договор по всем линиям и т.д. и т.п." У меня сработала мысль, - вот как Гитлер отвечает на заявление ТАСС от 14 июня.

Я тут же вызвал по телефону дежурного республиканского военкомата и просил его доложить комиссару и начальнику политотдела военкомата об услышанном.

И так, с неприятным предчувствием, в 23 часа, 21 июня, я последний раз лег спать в домашних условиях. Просыпаюсь от сильного звонка телефона. Беру трубку, у телефона республиканский комиссар Богданов. Он говорит, "У вас дежурный военкомата спит, не отвечает по телефону, идите сами дежурить". Я ответил, понял вас товарищ старший батальонный комиссар, иду дежурить.

Время 3 часа утра 22 июня 1941 года. Вышел на крылечку, слышу вой немецкого самолета, они не раз по воскресеньям залетали на нашу территорию. Разбудил жену, сказал, что иду работать в военкомат. Придя в военкомат сержант Ковтун докладывает: "Все спокойно, немцы болтали, болтали на своем языке, потом марши заиграли". Владас добавляет, нет не спокойно, немцы что-то затевают, поверьте мне. Звоню лейтенанту Грозову на квартиру, прошу чтобы прислал в военкомат начальника третьей части Козлова В.В., он живет в квартире Грозова. Звоню в казарму стрелкового полка. Отвечает командир хозяйственной роты /точной полуроты, вторая полурота с полком у границы, капитан Иванов^x. Спрашиваю, что не спишь? Что слышно? Отвечает - всё спокойно, спать не хочется..."

Прибыл в военкомат т/инт. I -го ранга В.В. Козлов. Полемизируем с ним сложившуюся ситуацию. Включил радиоприемник, тихо. Переключил на короткие волны, пытаюсь поймать в эфире немецкий язык, но в эфире передачи по морзе. Наконец зацепил короткие отрывки на немецком языке. Зову к приемнику Владаса. Он говорит, какие-то военные распоряжения немцы передают.

Время 4 часа 15 минут утра 22 июня 1941 года. Звоню в роту ВНОС /воздушное наблюдение, оповещение и связь/. Ответил дежурный сержант. Слышу в трубку шум и голоса в помещении дежурного. Прошу к телефону командира роты, ст. лейтенанта Карпова^x. Карпов^x подходит к телефону кричит: "Товарищ комиссар война!!! Немцы в 4 часа обрушили на города Тауронен и Орбаркас и по всему дивизионному фронту артиллерийские удары. В Таурогене разбито здание штаба дивизии, разбита и горит там уездная больница^x, нападение немцев по всей границе наших двух уездов. Сообщаю Карпову - еду к вам, распорядитесь пропустить меня к тебе в штаб. Приказываю Козлову немедленно вызвать в военкомат личный состав военкомата, командиров и начальников войсковых частей и учреждений и руководство уездом, по имеющейся схеме оповещения. Сам сажусь в машину и еду на восточную окраину города в роту ВНОС. Там убеждаюсь в правильности доложенного и возвращаюсь в военкомат.

*x Иванов, здесь и в дальнейшем фамилия просейвсена
вымышленная, настоящая забвена.*

Время пять часов. Мой помощник лейтенант Громов П.В. докладывает: "Должностные лица согласно схемы оповещения прибыли, за исключением троицы: Второй секретарь укома партии тов. Душакевич вчера уехал в Минск за семьей. Председатель уездисполкома тов. Банис вчера уехал в Каунас на совещание и не вернулся, зам. начальника отдела НКВД ст. лейтенант Клёмин временно работает в Каунасе. Отсутствие указанных лиц в день начала войны явилось для меня дополнительными трудностями и заботами за все предстоящие дела. Но как мог уехать Душакевич за своей семьей, когда к нему каждый день ходили с просьбами о выезде из Литвы жены комсостава? О приближении войны Душакевич знал не менее меня.

Объявляю всем присутствующим о нападении немцев на нашу страну. Объявляю, весь автобусный и грузовой парк гражданских организаций мобилизованным для нужд войны. Прошу руководство уездом принять меры по обеспечению прибывающего пополнения для войск, всем необходимым согласно плана.

На этом, чрезвычайном совещании из военных присутствовали: начальник корпусного эвакогоспиталя, военврач I-го ранга Носов, заместитель командира истребительного авиаполка, по материальному обеспечению, интендант 3-го ранга Бубнов /пока еще находился в Шауляе, а Бубнов прибыл в Расейняй по вопросу расквартирования летного состава/, командир хозяйственной роты стрелкового полка, капитан Иванов, начальник аэродромного строительства, майор государственной безопасности Дубинин. Дубинину были подчинены два строительных батальона.

Перед военными я поставил вопрос о назначении начальника гарнизона, так как начальник гарнизона города, командир стрелкового полка, майор Георгиевский находится в сражении с немцами, командуя полком, и он не может руководить гарнизоном в городе. На эту должность я предложил майора Дубинина, но тот категорически отказался, заявив, что ему нужно организовать расчистку от мусора, взлетно-посадочных полос на аэродроме. Военврач I-го ранга Носов тоже отказался, ему нужно организовать эвакуацию раненых. А затем все присутствующие заявили, что начальником гарнизона должен быть я. "Тебе подчинен весь уезд, ты и командуй", сказал военврач I-го ранга Носов. Я вынужден был согласиться принять на себя обязанности начальника гарнизона.

И вот в первый день войны мне, "еще не видавшему при своей жизни войны", без объявления о мобилизации Красной армии

Пришлось развернуть кипучую работу и принять столько рискованных решений, что описать в коротком рассказе невозможно.

Вот несколько штрихов: Доложил республиканскому военкому о начале войны с немцами на фронте Расейняйского и Таурогского уездов. Прошу разрешения об эвакуации семей командного состава войсковых частей, вступивших в бой с противником, и получаю категорический отказ. Звоню командирам ширанинских строительных батальонов и приказываю им подготовить к выполнению заданий две группы по сто человек кадровых саперов, вооруженных винтовками /все остальные в батальонах были не обучены военному делу-тылополченцы/, согласно ранее с вами договоренности. Комбаты ответили-группы готовы к выполнению заданий. Эти группы мною предназначались не для боевых действий, а для сопровождения прибывающего пополнения в войска, вступившие в бой с врагом.

Шесть часов утра. У военкомата накапливаются беженцы, семьи командного состава из г. Юрбаркаса и г. Таурогена, и из других населенных пунктов. В госпиталь поступает масса раненых бойцов и командиров. Начальник автостанции докладывает, что бензина у него всего пять тонн, а 45 тонн в бочках на станции Видукле, что в 20 км от г. Расейня. Выделяю десять грузовых машин для подвоза горючего в район заправочной, к автобусной станции, открываем столовую кооператива "Майстас" и выдаем талоны на обеды иногородним беженцам. Аппарат военкомата регистрирует беженцев и заполняет бланки эвакуационных удостоверений, но не выдает их беженцам. Добиваюсь официального разрешения на эвакуацию и каждый раз получаю отказ. Семь часов утра. Прибыл интендант 3-го ранга Бубнов^x. Докладывает, что он связался по телефону с командиром своего авиаполка в Шауляе, и последний ему сообщил, что полк понес большие потери на аэродроме и в Расейняй передислоцирован не будет, и что он Бубнов^x возвращается в Шауляй. Звонит майор Дубинин, он сообщает, что организовал расчистку строительного мусора взлетно-посадочных полос на аэродроме, но налетели самолеты противника, повредили трактор и ранен тракторист. Немцы не дают возможности выехать на аэродром, что делать? Я сообщил ему-выполнять свои обязанности. Расчистку полос можно отложить до ночи, так как авиаполк пока остается в Шауляе.

Восемь часов утра. Масса раненых, госпиталь и уездная больница забиты ранеными. Нижний этаж военкомата, двор и столовая забиты

беженцами. Ко мне пришла женщина в нижней сорочке, накрывшись одеялом. Она выскочила из горящего дома в окно в г. Таурогене и вот так и приехала. Вторая привела двоих детей соседки, которая была в больнице, в Таурогене и погибла, а у нее своих двое детей. Просит принять детей соседки. Я приказал выдать деньги первой на приобретение верхней одежды, а к второй прикрепить бездетную женщину, чтобы доставить детей погибшей в Россию, в детдом. Приказал начальнику первой части лейтенанту Громову вручить всем беженцам эвакуационные удостоверения и официально эвакуировать, для чего использовать попутный военный транспорт и выделить 10 грузовых машин для перевозки до Каунаса 80 км с возвращением машин в Расейнай. Громов мне заявил: "Товарищ комиссар, вы превышаете свою власть". "Я понимаю, ответил я, но не могу оставить без помощи тысячи жен, детей и матерей командиров и политработников, сражающихся на фронте с нашим врагом. Я освобождаю тебя от подписи этих документов, буду подписывать один". Однако лейтенант Громов тоже подписывал эвакуационные документы семьям командного состава. Напряженность в работе нарастает. Над городом и окрестностями летают немецкие самолеты. Укрываем людей, маскируем машины и автобусы.

Десять часов утра. Командир роты ВНОС Карпов ^x докладывает: "Противник прорвал нашу оборону в районах гор. Таурогена и гор. Прбаркаса и его танковые колонны движутся по шоссе на г. Расейнай. Наши войска сзади немцев, отходят в дали от дорог".

Приказываю Громову - вызвать в военкомат руководящих лиц военных и гражданских. Докладываю республиканскому военкому о прорыве нашей обороны противником. Напоминаю ему, что удержать немцев у меня нет достаточных сил. Комиссар сказал: "Ты не ввязывайся в это дело, об этом знает командование войсками". А на вопрос могут ли эвакуировать семьи командного состава, ответил категорическим отказом.

Что же делать? - задал себе вопрос, и решил: организовать оборону города наличными силами гарнизона, продолжать эвакуировать семьи командного состава, вопреки запрещению свыше.

Звоню командирам боевых групп строительных батальонов и приказываю: Первому с группой, в составе сто человек саперов, вооруженных винтовками и одним станковым пулеметом, занять удобную позицию в районе высоты " ^p Колунуй ", что в тех километрах от

"Калнуэй"

города, по дороге на с. Шижайчай-г. Юрбаркас, с задачей, - не пропускать танки противника в г. Расейный до подхода наших войск с тыла; - второму командиру боевой группы, в составе такого же числа саперов и с таким же вооружением - занять и оборудовать позицию в 3х-4х километрах от города, у дороги, в сторону станции Видукле - г. Тауроген, и с той же задачей: командиру хозяйственной полуроты, в составе 80 человек, вооруженных винтовками и двумя 3-х дюймовыми пушками старого образца, приказал занять оборону на шоссе против казармы с задачей, не пропускать танки противника со стороны села Аригола-г. Юрбаркас.

Все три командира боевых групп с благодарностью приняли мой приказ и заверили меня, что достойно его выполнят.

Лейтенант Громов докладывает, что вызванные руководители города и военные, в военкомат прибыли.

Сообщаю гражданским и военным руководителям о том, что противник прорвал нашу оборону и по дорогам с трех сторон к городу движутся танки противника и что остановить их, поддерживаемых авиацией противника, у нас нет сил и мне неизвестно когда они подойдут. Я сообщил также, что направил на дороги заслоны с винтовками, но надежды на них не велики. Поэтому рекомендую немедленно приступить к подготовке эвакуации укома партии, уездисполкома, тюрьмы, госбанка и других учреждений. Грузовой транспорт будет выделен ограниченно. Легковые автомобили используйте своим распоряжением. Все молчат. Никто из присутствующих гражданских не ожидал такого удара. Надеялись на Красную армию. После паузы попросил слово зам. председателя уездисполкома тов. Ушаков, прибывший работать из Западной Украины. Он сказал: "Не рано ли ты тов. Горшков ставишь этот вопрос. В сентябре 1939г. при освобождении Западной Украины наши войска тоже долго топтались на месте, а потом как прервали оборону поляков и ходом пошли вперед". Я разъяснил тов. Ушакову его несостоятельное сравнение и он согласился с моими доводами.

Вернувшись в свой маленький кабинет я вновь и вновь пересматриваю свои приказы о направлении против танков и авиации противника, бойцов и командиров с винтовками. Не глупость ли я допустил? Нет не глупость. Военные обязаны защищать свою родину, а винтовки и пулеметы являются оружием. В стройбатах есть взрывчатка, командиры-инженеры. Придумают и организуют минные заграждения.

Время десять часов тридцать минут. Прибыл командир противотанковой батареи 48 стрелковой дивизии старший лейтенант СМЕРНОВ. Он сообщает, что их дивизия в ночь на сегодня должна пройти

вашим городом и к утру прибыть в район города Юрбаркас. Я остался с батареей по техническим причинам. Прошла ли наша дивизия? Что-то я следов не вижу". Я отвечаю: "Нет, не проходила, а она очень нужна была там. Вашу дивизию вероятно с марша переадресовали в другой район и нам с вами её не найти. Руководствуясь военной обстановкой города я приказываю вам разделить вашу батарею на две группы, по три орудия, первую группу возглавьте вы, а командовать второй прикажите вашему заместителю. Вы с группой направитесь на высоту "Колзуны", там есть сотня бойцов с командирами, а ваш заместитель вот в этот пункт, на дороге в сторону станции Видукле / показываю на топографической карте/, там тоже сотня бойцов с винтовками и пулеметом. Ваша задача растреливать немецкие танки, поддерживать эти группы войск, не пропустить танки противника в город до подхода наших войск. Подготовьте хорошо позиции. В вашем распоряжении 4-5 часов. Соблюдайте маскировку. Старший лейтенант Смирнов^x поблагодарил за доверие. Я пожал Смирнову^x руку и пожелал ему успешного боя с противником".

У меня стало легче на душе. Теперь все правильно - стрелки, пулеметчики, артиллерия. Боевые группы боеспособны и могут достойно встретить противника.

Одиннадцать часов дня. Прибыл из отпуска капитан Новиков^x, из топографического отряда. Он заявил, что не знает где сейчас отряд и трудно его найти. Я строевой командир, могу командовать подразделением. Прошу назначить меня в действующие войска. Проверив удостоверение личности капитана, я пригласил его к столу, показал на топографической карте - километровке обстановку, предполагаемые варианты противника и точки обороны города. Предложил капитану координировать действия двух боевых групп саперов и организовать конную связь со всеми тремя группами. Лошадей возьмите в строительных батальонах. Действуйте самостоятельно. При первой возможности окажу помощь. Новиков^x принял мое предложение с благодарностью, но попросил дать ему официальный документ. Я написал в книге приказов боевой приказ по всей форме штабной службы, и второй экземпляр приказа вручил капитану Новикову^x под расписку на первом экземпляре.

Одиннадцать часов тридцать минут. Отправляем последние свои семьи и еще несколько оставшихся женщин. Шофер полуторки из стройбата рядовой Смирнов. Посылаем сопровождать сержанта

x) Колзуны

Ковтун. Вышел проводить свою семью-жену и двух малышей -пяти и одного года. У Громова жена и такие же дети по полу и возрасту, и его мать, старушка.

В этот час мы надолго расстались со своими семьями и долго переживали за их судьбу. Военное нападение немцев было так сильно, и так всеобъемлюще по глубине, что семьи могли погибнуть в любой точке Литвы и Белоруссии.

Начальник эвакугоспиталя сообщает, что он не справляется с обработкой и эвакуацией раненых в тыл, нехватает транспорта. Выделяю ему восемь больших, дизельных автобусов. Восемь таких же автобусов выделяю в распоряжение начальника отдела НКВД для эвакуации заключенных из местной тюрьмы. Звоню по телефону начальникам волостных милиций в села Аригола и Шликайче. Сообщаю им, что по дорогам со стороны города Юрбаркаса в ваши села могут прибыть немецкие танки, учтите это и организуйте за селами наблюдение, а при появлении немецких танков по возможности позвоните мне.

Двенадцать часов. Звонит главный врач уездной больницы, хирург Алекнавичус, докладывает, что больница загружена ранеными до предела, в коридорах не пройти, невозможно работать. Сообщаю Алекнавичусу, что ~~я~~ выделил для госпиталя дополнительный транспорт, начальник госпиталя заканчивает вывоз раненых из палаток и скоро вывезет от вас. Помогите госпиталю в обработке раненых.

Докладывает старший лейтенант Карпов^x, что ровно в двенадцать часов, парашютный десант немцев примерно две сотни автоматчиков, занял станцию Видукле. Я отвечаю, это очень плохо, Видукле-станция снабжения и пополнения наших войск. Для уничтожения десанта нужен по крайней мере батальон. Я не могу снять с обороны города ни одного бойца. Доложите в Шауляй об этом, они связаны с командованием Армии. Видукле ~~единицы~~ должны освободить от немцев.

Докладываю об этом Республиканскому военкому. Напоминаю ему, что значит для нас станция Видукле. Вновь прошу разрешения эвакуировать семьи и вновь получаю отказ.

Тринадцать часов тридцать минут. Звоню начальнику политотдела Республиканского военкомата батальонному комиссару Лебедеву. Докладываю обстановку и сообщаю, что ни от кого не получили никаких указаний, что же делать? Он отвечает: "Ты советуйся с начальником гарнизона." Я начальник гарнизона, говорю ему. -Ну тогда вот что. Ты гражданскую войну знаешь? -Изучал говорю. Так вот так и действуй, как тогда мы действовали. Я с радостью говорю ему, спасибо, я так и действую!

Зову лейтенанта Громова, говорю ему, что Лебедев одобряет наши действия и впредь благословляет на самостоятельность в таких случаях.

Звоню начальнику строительства аэродрома майору Дубинину. Секретарь отвечает - пропал без вести. Нельзя ли без шуток сегодня. - Уехал в Ригу с докладом. - Когда? - Как только узнал от вас о прорыве немцев на границе. - Вот еще сюрприз... Спрашиваю, кто есть из начальства в конторе? - Нет никого. Передайте мои указания главному инженеру: "Всех людей батальонов, все ценности, что можно увезти, грузите на повозки, на трактора и оставшиеся у вас автомашины, и отправляйте небольшими группами по грунтовой дороге в г. Шауляй, через с. Шилува. Запомните, только эта дорога свободна от противника. Дальнейшие указания пусть получают от Шауляйского военкома. Спасибо, говорит секретарь женщина обрадованно, я сейчас разыщу главного инженера и доложу ему.

Докладывает командир взвода связи лейтенант Петров^x, под контролем и охраной которого работает уездная контора связи. Он говорит, что в 14 часов порвалась телефонная и телеграфная связь с г. Каунас, повреждение примерно в с. Аригола, что в 28 км от Расейния к Каунасу. Приказываю послать на машине группу связистов для исправления линии связи.

Вспоминаю вчерашний разговор с Георгиевской. Почему она не отвечает по телефону, почему не приходит для эвакуации. Видимо она уехала вчера, а меня обманула. Хотел послать к ней на квартиру, а она и пришла ко мне в 14.00. Я её спрашиваю, почему не отвечала по телефону? Почему вчера мне сказали неправду? Она ответила: "Находилась больше на улице, ожидала машину. Вчера в г. Таурогене распоряжением командира дивизии был сформирован эшелон, в который посадили семьи командного состава, проживающих в г. Тауроген, из Расейния взяли меня одну. Перед отправкой поезда генерал получил шифровку из округа, из г. Риги с приказом расформировать эшелон, семьи распустить по домам. Кто-то сообщил в округ о самовольном решении генерала. Вот я вчера вечером и приехала с чемоданами на попутной подтурке. А правду вам сказать сочла неудобным". Таково было отношение к нашим семьям со стороны высшего командования. Георгиевскую поручили эвакуировать госпиталь, ее нельзя было отправлять без врача, она была в положении и ожидала роды.

В 15 часов 30 минут лейтенант Петров докладывает: "Группа связистов пропала, посылатъ ли вторую?". Приказал не посылатъ. В селе Аригода вероятно немецкие танки. Контролируйте связь с волостями и в городе. В тоже время докладывает старший лейтенант Карпов о том, что к нам на помощь, со стороны г. Шауляй, по грунтовой дороге идет крупное артиллерийское соединение, но место его нахождения в настоящее время мне неизвестно. Это сообщение ободрило нас. Сообщили об этом через капитана Иванова командирам боевых групп.

Шофер Смирнов с сержантом Ковтун не вернулись. Дорога г. Расейняй-г. Каунас перекрыта немцами. Довезли ли наши семьи до Каунаса? Посадили ли их в поезд? Послушаются ли наших предписаний пограничники на пограничной станции "Молодечно"? Что-то мне скажет командование за самоуправство?" Эти вопросы и сомнения появились в голове, как только появится свободная минута. Резервный автобус и грузовую машину пришлось отдать первой тюрьме, вторую госбанку. Расчитывал на возвращение трех машин из Каунаса, но путь был перекрыт противником. Распустил гражданских работников военкомата. Лейтенант Козлов произвел с ними расчет. Нас четыре командира и машина осталась "адлер-юниор" четырехместная. Приказываю сечь маловажные документы военкомата, сохранив лишь те, которые уместятся в багажнике машины, и которых будет достаточно развернуть работу.

Семнадцать часов. Звонит начальник волостной милиции из с. Шимкайче, что в 17км от г. Расейняя. Докладывает, что в их село пришел немецкий танк, затем кричит два, три, много и бросает телефонную трубку на стол. Я слышу лязг гусениц, зову Громова и даю ему трубку послушать. Спрашиваю, что слышишь? Движение танков или других гусеничных машин - отвечает Громов. Я сообщаю ему, что идут немецкие танки к нам через с. Шимкайче, а такое натуральное донесение организовал нам начальник милиции волости Шимкайче. Сумел ли он укрыться? Толи он меня не понял, слушая мою просьбу, то ли проявил сверх патриотизм? Восхищаюсь мужеством товарища.

В нашем распоряжении максимум один час до прибытия врагов. "Звони всем руководителям, чтобы выезжали из города, пора," - приказываю Громову. Сам звоню ст. лейтенанту Карпову, спрашиваю, что нового у тебя? Где артиллерийское соединение? Наладил ли связь со штабом дивизии? Что со ст. Видушке?. Видишь ли наши боевые группы?" Карпов отвечает: "Ничего не вижу и ни о чем не знаю."

Все посты собрал в Расейный, чтобы не попали в лапы к немцам. "Так слушай, говорю Карпову, через село Шинкайче к Расейный движется колонна немецких танков. Докладывай в Шнулай, проси от моего имени нашу авиацию, уничтожить немецкие танки". -- "Нет нашей авиации. Всего с начала войны, т.е. с 4 часов утра, над Расейным сбито три немецких самолета нашими одиночными истребителями, которые появлялись очень редко. Немецкие же летали над городом и окрестностями как воронье, выслеживая, что делается у нас, и на подозрительные с их стороны объекты сбрасывали бомбы и обстреливали из пулеметов. Поэтому вся наша работа с тысячными массами людей проходила с большими затруднениями. Нужно было скрыть людей и машины от авиации противника.

Зенитных средств борьбы с авиацией противника в гарнизоне не было совершенно.

Дав указание Громову звонить учреждениям, чтобы выбирались из города, сам пошел проведать уком партии и уезд-исполком. Оказалось, что там уже никого нет. Двери все раскрыты, на полах валяются клочки бумаги. Вернувшись в военкомат, Громов доложил, что кроме госбанка никто не отвечает. В госбанке грузят последнюю машину, там и первый секретарь Укома тов. Анатанаускас, сказал, чтобы немедленно выезжали из города.

Чтобы своевременно увидеть немцев, я устроил на чердаке военкомата, на уровне высоты третьего этажа, у служебного окна, наблюдательный пункт, посадив туда сержанта с биноклем. Из этого окна хорошо было видно высоту "Колну" *или* где устроила позицию одна из боевых групп, с тремя противотанковыми пушками. Туда и должны прибыть немецкие танки из с. Шинкайче.

Подводим итоги работы. Громов докладывает: "Эвакуировали 1116 семей командного состава частей дивизии, свыше 3500 ~~жен~~, детей, стариков, которые бросили все свои многолетние пожитки, уезжая подчас без туфель или захваченных в суматохе две пары на одну ногу. Обеспечили горючим весь ^{военный} и гражданский транспорт. Обеспечили транспортом все учреждения. Хорошо помогли госпиталю и тюрьме. Привели в порядок документы военкомата и можем в любой момент развернуть вновь работу в уезде.

Восемнадцать часов. Сержант наблюдатель докладывает: "На высоту ~~Колну~~ подошли немецкие танки, идет бой".

Колну

Я пошел с сержантом на чердак и наблюдаю в бинокль такую картину: первые три танка на спуске с высоты стоят без движения, сержант говорит, что они подбиты, они были в дыму. Дальше наблюдаю, что следующие три танка отделились от колонны и поползли вправо, обходя видимо опасный для них очаг, а затем отделились от колонны еще четыре танка и поползли влево. Поняв маневр немецких танкистов я все же был уверен, что наши уничтожат и эти семь танков. Посмотрев на недвижимую колонну танков, конец которой не виден, он скрыт за горизонтом, я с сержантом вернулся в свой кабинет.

В кабинет пригласил всех своих штабных командиров и при них сержанту приказал: "Собирай всех своих бойцов с объектов /их было 10 человек/ охранять больше нечего и отправляйтесь в свою роту, в казармы. Капитану Иванову ^x доложите что видели, доложите, что я выехал на встречу подходящего к нам артиллерийского соединения, просить командира, чтобы быстрее пришел на помощь нашим боевым группам". Сержант ушел. Я рассказал своим помощникам, что видел и добавил, немцы ведь действуют согласовано, вероятно и по другим двум дорогам их танки подошли к нашим боевым группам. Намим не справиться с такими армадами немецких танков. Надо встречать наших артиллеристов и просить их помощи. Все подтвердили, что решение правильно.

Звоню командиру роты ВНОС Карпову ^x. Сообщаю, что танки немцев на высоте Колунуй, там завязался бой. Срочно доложите в г. Шауляй, чтобы прислали авиацию для подавления немецких танков.

Я со своими помощниками, через 20-30 минут выезжаю на встречу артиллерийской части. Буду просить командира помощи нашим боевым группам. Буду просить командира части принять на себя обязанности начальника гарнизона г. Расейняй, так как мне помогать нашим группам нечем, а у него большая сила. Дам ему полную информацию о местонахождении вас всех, а затем уеду в г. Шауляй, чтобы связаться со своим начальством и получить указания. Утром вернусь вероятно на КИ артсоединения, так как здесь вероятно будет трам, тарарам. Прощаясь с Карповым ^x мы пожелали друг другу боевых успехов в начавшейся большой войне.

Вызываю командира взвода связи лейтенанта Петрова ^x. Сообщаю ему свое решение. Петров перебивая меня говорит, что он в курсе всех моих распоряжений и сообщений, он постоянно меня слушал. Ну вот и хорошо, что есть свидетель моей деятельности в первый день войны. До свидания, до встречи.

Я наведу на вас наших артиллеристов. Узел связи охраняйте. Засклав по очереди на свои квартиры, чтобы взять шинели и походные вещевые мешки, в 19 часов мы выехали за город. Только минули "Овины" города, как из первого куста справа, на нас наводят дуло противотанковой пушки. Я резко затормозил машину и вышел из нее, чтобы показаться, что мы свои. Ко мне подбежал капитан. Я представился ему и попросил связать меня с командиром части. Капитан спросил меня, что я хочу передать его командиру. Тогда я развернул свою топографическую карту, километраж, на литовском языке и показал капитану где находятся наши боевые группы, и что им нужна помощь огнем. Визуально показал в какой части города находится рота ВНОС и уездный узел связи. Затем сказал, что ваш командир вероятно примет от меня обязанности начальника гарнизона, так как в его распоряжении большая сила.

Капитан пошел в соседний куст метров за пятнадцать, чтобы переговорить по телефону со своим командиром. В это время пробаражировал над нами наш истребитель "И-16". Он полетел в сторону высоты "Колунуй" и вскоре вернулся и пошел в сторону г. Шауляй. Это была проверка нашего доклада командованию, о месте нахождения немецких танков и завязавшегося с ними боя. Вскоре вернулся капитан с переговорного пункта и сообщил мне, что командир соединения принял на себя обязанности начальника гарнизона г. Гасейнай и примет все меры к поддержке сражающихся боевых групп, после разведки нашими разведчиками.

В нашем присутствии капитан вызвал группу разведчиков и по два человека направил во все пункты которые я показал на карте и визуально. У каждой пары разведчиков имеется переносная радиостанция типа "РУР" с радиусом действия до 8 км.

По ту сторону города были слышны редкие звонкие выстрелы наших противотанковых пушек. Помощь нашим боевым группам со стороны подошедшего к городу артиллерийского соединения задерживалась. Командир соединения видимо не хотел показывать противнику позиции своей артиллерии до утра.

В двадцать часов я со своими тремя помощниками поехали в г. Шауляй, памятуя о том, что по пути мы встретились с командиром артчасти, который медлит с разгромом танковой колонны немцев на высоте "Колунуй".

Справа от дороги мы наблюдаем пушки 76мм, затем гаубицы 122 мм. Они еще не сняты с передков и не отведены лошади. Теперь нам стало ясно, что артиллерия не приняла еще позиционного положения и не может стрелять без ориентиров и наблюдательных пунктов,

по закрытым целям.

Вскоре мы подъехали к реке "Дубиса", что в восьми километрах от г. Расейняй, и наблюдали транспортировку по деревянному мосту тракторами "ЧТЗ-60" тяжелых орудий-пушек гаубиц калибра 152мм.

Примерно в 22 часа прибыли в село Шилува, что в 20 километрах от г. Расейняй. На окраине села, справа от дороги, стояли две штабные машины. Я понял, что это командный пункт артиллеристов. Проехал метров сто, к первым домам села, остановил машину и пошел на КП. Там встретил полковника и полкового комиссара данной части. Представился полковнику и спросил каково состояние наших боевых групп, выставленных мною для защиты города от немецкого вторжения до подхода вашей части. Полковник с восхищением сообщил мне, какие молодцы ваши товарищи, они здорово расколошматили немцев, они много уничтожили немецких танков. Полковник много раз повторял: "Ну молодцы ваши товарищи, ну и молодцы". Я спросил сколько же они подбили танков, в каких местах из трех дорог, и каковы потери в наших группах? Полковник ответил: "Ваши молодцы подбили очень много танков на всех трех дорогах, все три группы дрались храбро, уничтожая танки и их экипажи. Они остановили три немецкие танковые колонны, а насчет потерь в ваших группах мне не докладывали, видимо нет потерь". И снова полковник расхваливал наших товарищей, наших саперов и красноармейцев из хохоты. Я попросил полковника передать командирам и бойцам наших боевых групп мою сердечную благодарность, за мужественное выполнение моего приказа. Я уже их благодарил и сейчас прикажу передать вашу благодарность, - сказал полковник. Далее я спросил полковника, верно ли я сделал, задержав противотанковую батарею 48-й стрелковой дивизии и подчинил её своим боевым группам? "Вы все очень правильно сделали, а ваши товарищи молодцы, ну и молодцы, я восхищен ими их боевыми действиями."

Посылая на дороги боевые группы, я рассчитывал, что их жестокое упорство заставит немцев подумать, что город защищен сильной, сплошной линией обороны. И вот мой риск удался, иначе немцы могли бы обойти наши заслоны. "Да, вы правы, немцев можно бить и малыми силами, если бы не их авиация", - сказал полковник. Я сказал полковнику: "Завтра вам плохо будет без стрелковых войск. Выходят ли наши стрелковые части из-под г. Урбаркаса?" "Были несколько мелких групп и теперь они у нас, усилили мы ваши отряды численно. Ничего, встретим завтра достойно немцев. Отчаянная сила у нас большая. Части генерала Богайчук вероятно были сосредоточены в основном в районе города Тауреген,

поэтому они и отходят по шоссе по магистрали г. Тауроген-г. Шяуляй, к местечку Кельме! Вы правы, я об этом и до войны предполагал", - сказал я. Туда и ушел тяжелый, корпустной артолка на мехтяге, приданный дивизии генерала Богайтчук.

Затем я сообщил полковнику, что мы едем в г. Шяуляй, чтобы связаться по телефону с республиканским военкомом и получить его указания. Утром вернемся в село Шилува, разрешите мне находиться на вашем КП, чтобы быть в курсе событий. "Да, пожалуйста", - сказал полковник, - почту за честь иметь у себя на КП представителя местной власти".

В г. Шяуляй прибыли в два часа ночи, уже 23 июня 1941г. В уездвоенкомате находились уездвоенком, майор Мухин и начальник первой части, техник-интендант первого ранга, ярославец Миша Новиков, мой сокурсник по школе в г. Москве. В кабинете военкома, на диване дремлет Таурагский военком, старший политрук Лохов. Майор Мухин сообщил, что связь у них порвалась тоже вчера в 14.00.

Старший политрук Лохов рассказал с какой опасностью и трудом он выбрался, вместе с гражданским руководством уезда из г. Таурогена. Город Шяуляй сильно пострадал от бомбежки в первые часы войны. Майор Мухин рекомендует нам выехать из города за пять километров по шоссе, в куст крупных берез, скоро начнется бомбежка города.

Лохов со своими помощниками выехал. Я со своими товарищами остались в военкомате.

В шесть часов утра в военкомат позвонил неизвестный, сообщил, что в район куста крупных берез приземлились несколько парашютистов. Я решил проверить это сообщение и выехал со своими помощниками в направлении этого куста берез. Ехали по бульжному шоссе, справа еще тянулась улица, с деревянными, небольшими домишками, а слева открытая, болотистая местность, с мелкой лесной зарослью. Я вел машину по левой стороне дороги, объезжая неровности бульжника. Вдруг страшный треск, я резко затормозил машину ножным и ручным тормозом. Через две-три секунды взрыв, удар по голове. Помню, как мою голову бросило на плечо, справа сидящего лейтенанта Громова, а затем потерял сознание. Очнулся я от неудобного положения моего тела, я сильно накренился направо, но совсем не упал, поддерживало меня кресло, на котором я сидел. В голове шум. В машине темно. Мне представилось, что я на что-то налетел. Оглянулся, в машине никого не было. С трудом выбрался

из машины, увидел на капоте машины бугор торфа с корнями молодняка леса. Впереди, слева, в канаве, в пяти метрах от машины большая воронка от взрыва бомбы, немного дальше, вторая. Поняв, что случилось, я как пьяный, без сил^{сильный} побрел к центру шоссе, направо, и вразой канаве увидел красный околыш фуражки лейтенанта Громова. Они все трое встали из канавы, и показывают мне, что самолет, который сбросил на нас две бомбы, улетел направо, он под прямым углом пересекал дорогу. Громов что-то говорил мне, но я ничего не слышу, затем показывает на мое левое ухо, я дотронулся рукой до уха и увидел кровь. Подошли к машине, смахнули с капота над мотором торф и корни, и увидели пять пулевых вмятин в машине, шестая пуля попала в полуткрытое стекло левой дверки машины и на нем образовалась звезда, а когда я тронул стекло подъемником, оно развалилось на мелкие "ножи". Эта пуля была бы моя, если бы самолет летел пониже. Почему же мы остались живы, находясь в пяти метрах от взрыва бомбы? Потому, что бомба провалилась глубоко в торфяной грунт и сила взрыва ушла воронкой вверх, а меня контузило, как бы вторичной воздушной волной. Подобных случаев со мной было еще несколько. И так, пострадал я один, на всю жизнь потерял слух на левое ухо.

Пока мы отражались от взрыва бомб, подъехал на полторке Лохв. со своими, тоже тремя помощниками, из того куста крупный берез. Он сообщил, что никаких парашютистов они не видели. Вытерли мне от крови ухо марлей из индивидуального пакета и вернулись в Шяуляйский военкомат. Там я умылся, отмыл кровь на шинели и попросил Мухина покормить нас и напоить чаем. Позавтракав, я попросил майора Мухина позвать в военкомат военного коменданта станции Шяуляй. Нужно спросить у него, есть ли связь со станцией Видукле, куда он направляет воинские эшелоны. Мы видим, что эшелоны идут транзитом в сторону Таурогема, их бомбят немецкие самолеты, а на какую станцию он их направляет, нам неизвестно. Ведь станция Видукле вчера была занята парашютным десантом немцев—это сообщение командира роты ВНОС. Мухин позвонил, и вскоре приехал комендант станции—интендант второго ранга. Я спросил его: "Куда направляете эшелон?"—"На станцию Видукле",—ответил он. "А связь у вас есть со ст. Видукле?"—НЕТ. "Мне известно, что эта станция была занята немцами вчера в 12.00, зачем же вы направляете туда эшелон?"—"Мне приказывает Москва."—"Москва действует по плану, а у нас война идет не по плану, военными сообщениями Москвы об этом не видно, а вам бы нужно знать. Скажите, у вас есть связь с командованием

армии или фронта?—спросил наконец я. "Нет",— ответил комендант станции. Майор Мухин подтвердил коменданту мое беспокойство за судьбу им направленных эшелонов. Затем я решил поехать в село Шилува и посоветовал старшему политруку Лохову тоже поехать со своими помощниками в ближайшее село Таурогского уезда, Лохов согласился.

Выехали мы в 8 часов утра 23.06.41г.

Вел машину первым, Лохов на полуторке ехал сзади. Проехав километров двадцать, я остановился на развилке дорог и остановил шофера машины Лохова. Осмотрелись. Увидели над местечком Кельме /крупное село городского типа/ Расейняйского уезда, серо-дымное большое облако, через которое нужно ехать Лохову. Погода стояла теплая, безоблачная. Решили, что по ту сторону Кельме идет сильный бой, это примерно в 25 километрах от места нашей остановки.

Мне до села Шилува ехать километров сорок. Здесь мы и разъехались с Лоховым, каждый по своему направлению.

Проехав километров тридцать, нам стали попадаться беженцы, люди бегущие от войны. И чем дальше мы едем, тем гуще встречный поток людей гражданских и военных. Нас ругают, мы мешаем движению, и я вынужден свернуть вправо. Я остановил капитана и спросил, почему отходят войска. Капитан признал меня, он вчера вечером стоял рядом со мной, когда я разговаривал с их полковником в с. Шилува. Если мне память не изменяет, это был начальник арт. тех. снабжения данного артиллерийского соединения. Капитан сказал мне, что немцы нацупали нашу артиллерию в лесу и засыпали бомбами, побили лошадей, много разбили матчасти, у тракторов на исходе горючее. Город Расейняй оставили, все что смогли собрали и отходили к Шяуляю. Вторая наша группа войск с трудом удерживает немцев в местечке Кельме, и если они первыми отступят к Шяуляю, то немцы закроют нам путь отступления. Поэтому у командования есть договоренность, чтобы Кельмская группа удерживала немцев, пока мы не выйдем на развилку дороги, двадцать километров южнее Кельме. Тогда обе наши группы войск будут иметь возможность отходить к г. Шяуляю, где ожидаем подкрепления с тыла. Капитан сказал, что нам к с. Шилува не пробиться, возвращайтесь обратно. Я сказал капитану, что мне стало ясно. Мы наблюдали над местечком Кельме большое серо-желтоватое облако, и догадывались, что там идет большой бой.

Мы с трудом врезались в движущуюся колонну, и поехали обратно, со скоростью пешехода. При выезде из леса на первую поляну, немецкий истребитель трижды спикировал на колонну и появились раненые и один мужчина был убит.

Командиры предупреждали, чтобы никто не углублялся в лес, в лесу замечены диверсионные группы и парашютисты противника.

Мам не хотелось ехать медленно. Хотелось скорей что-то сделать полезное и я рискнул свернуть вправо, по лесной дороге. Мы приехали в Шяуляй не с северной стороны, а с западной. Подъезжая к городу, мы вновь увидели эшелон с танковым подразделением, транзитом идущий в сторону станции Видукле, занятой еще вчера немцами.

В Шяуляйском военюмате вновь встречаемся со старшим политруком Лоховым. Он сообщает, что наши войска вот, вот оставят Кельме. Майор Мухин сообщает, что в городе и районе действуют диверсанты из местной контрреволюции, и противник сбрасывает много парашютистов по три-пять человек, которые создают среди населения панику.

Я попросил Мухина вновь вызвать в военюмат коменданта станции и начальника гарнизона г. Шяуляй. Последним был комбриг органов НКВД.

По прибытии указанных товарищей я проинформировал положение наших войск и сказал, что направляемые комендантом железнодорожной воинские эшелоны могут проходить ни кем не остановленные на станцию Видукле, занятую вчера немцами, так как железная дорога проходит от сражающейся нашей Кельмской группы войск в 10 километрах, а от Расейняйской в 20 километрах. Прошу начальника гарнизона, комбрига госбезопасности, приказать коменданту станции не отправлять воинские эшелоны дальше города Шяуляй. Комбриг попросил коменданта /а не приказал/ останавливать эшелоны на ст. Шяуляй или на других станциях раньше Шяуляя, удобных для разгрузки. Комендант отказался подчиняться. Имея ввиду, что все мы не имеем возможности связаться с командованием армии, фронта и с группой ВНОС, я заявил, что сейчас еду в штаб фронта, докладывать о положении дел в Шяуляе. Все, кроме коменданта станции, согласились с моим решением. Комендант станции промолчал.

В 20.00 я со своими помощниками и старший политрук Лохов со своими, выехали в г. Ригу. В г. Ригу, в штаб фронта, прибыли в 6.00 24 июня 1941г.

В штабе я доложил о положении наших войск на известном нам участке фронта, о действиях коменданта станции Шяуляй, и о действиях противника в дивизионных и армейских тылах, интенданту 2-го ранга Николаю Павловичу Малову, бывшему сослуживцу по Ярославской области. Малов с полуслова меня понимал и стал также озабочен, как и мы, услышанным. Он сказал, что сейчас даст указания коменданту станции Шяуляй через КП Армии, а меня с Лоховым представит командование в 12.00.

Ровно в 12.00 меня с Лоховым вызвали к заместителю начальника штаба фронта генерал-лейтенанту товарищу Гусеву. В комнате также присутствовали комиссар штаба, полковник комиссар Воскресенский и интендант 2-го ранга Н.П. Малов. Слово для доклада было предоставлено мне. Я повторил то, что докладывал Малову.

Генерал: "Вы доложили нам много неприятного, а подумали ли вы, что нужно сделать, чтобы устранить все это и помочь войскам успешней громить врага?".

Я: "Да, подумал. Разрешите доложить?" Генерал: "Докладывайте".
"Нужно создать несколько оперативных групп из штабных командиров, с полномочиями штаба фронта и направить их в пункты, на магистральные дороги, вблизи железнодорожных станций, с задачей: организовать борьбу с диверсантами и парашютистами, выявлять и истреблять их; формировать из прибывающего на фронт пополнения, прибывающих из отпусков, а также из числа отходящих с фронта тыловых подразделений и отдельных групп и одиночек, потерявших связь со своими командирами, отдельные боевые батальоны по 600-800 человек; вооружить их и провести их боевое сколачивание, а затем, в ночное время, на машинах доставлять в боевые порядки сражающихся войск".

Генерал: "Хорошо, предложения ваши рассмотрим и вас вызовем. Сейчас идите обедать, а затем отдохните, вы утомлены".

Ровно в 24.00 того же дня меня вызвали к интенданту второго ранга Н.П. Малову. Товарищ Малов встретил меня на лестничной площадке шестого этажа, отвел в сторону и сказал: "Твое предложение командованием принято полностью. Сформированы три оперативные группы. Ты назначен заместителем начальника группы по формированиям, - начальником формирований. Начальником вашей группы назначен полковник Пленкин, бывший начальник отдела боевой подготовки штаба округа. Вы поедите работать в город Резекне Латвийской ССР. Ваш участок от г. Резекне до гор. Даугавпилс, 80 км! Затем тов. Малов завел меня в одну из комнат и представил там полковнику Пленкину и другим членам нашей группы. Он сказал товарищам, что группа

сформирована по предложению тов. Горшкова, он и проинструктирует вас о порядке и задаче вашей работы. Кроме нас с полковником, группа еще состояла из шести начальников разного вида служб и одного организатора политработы. Последним был старший политрук Лохв.

После личного знакомства и проведенного мною инструктажа о порядке работы, в 4.00 25 июня мы выехали на двух шестиместных машинах в город Резекне. На место прибыли в 7.00 того же дня. Уездвоенком в Резекне был интендант второго ранга Антонов, начальником первой части-техники - интендант I-го ранга Васильев и еще два командира.

Военкомат находился на восточной окраине города, у шоссеиной магистрали и имел два двухэтажных, каменных здания и третье, деревянное, одноэтажное, в котором размещался военкомат.

В первых двух зданиях мы и организовали работу по формированию батальонов и их боевому сколачиванию. Но в первую очередь сформировали гарнизонную службу: КПП-контрольно-пропускной пункт, заградительные отряды, пешую патрульную службу города, подвижную патрульную службу магистрали-г. Резекне-г. Даугавпилс. Группу ВНОС, команды :охрана, по борьбе с пожарами, по ремонту мостов и дорог, и команду истребления диверсантов и парашютистов. Выявлением последних занимались все подразделения гарнизонной службы. Начальника первой части военкомата тов. Васильева, назначили моим помощником, он в большей части и руководил созданным аппаратом пункта формирования. Мне были подчинены все подразделения гарнизонной службы. Кроме того, я занимался подбором командиров рот и батальонов и за мной было общее наблюдение и консультации по всем вопросам работы группы.

Полковник Пленкин контролировал и помогал начальникам служб по вопросам всех видов материального обеспечения формируемых батальонов, он активно наблюдал ход формирования, изучал и утверждал подобранных мною командиров рот и батальонов.

С первых часов нашего прибытия стали прибывать люди, главным образом с фронта, и мы включились в кипучую работу. нас бомбили, чаще обстреливали из пушек и пулеметов с воздуха, а мы работали, соблюдая дисциплину маскировки и укрытия людей. Возникали пожары, мы их тушили. Авиация разрушала шоссе и мосты, мы их восстанавливали. Тайком и в открытую к нам лезли всякого сброда враги, мы их ловили и уничтожали. Приведу только два примера. В середине первого дня работы мне сообщили, что над соседним полем кружит самолет противника, видимо сбросит парашютистов. Я вышел из помещения

военкомата и сразу увидел самолет, делавший круги как юршун. Я командовал: "Истребители на машину!" Сам сел с шофером и приказал шоферу ехать в это поле. Проехав метров пятьсот, мне стучат в кабину и показывают развернувшиеся пять парашутов. Проехав еще метров триста, мы оказались на месте спуска парашутистов. Нас 15 человек. Все с автоматами ППД/пулемет-пистолет Дегтярева. Я кричал: "В левого не стрелять!" Но где там, изрешетили всех четырех. "Ятый" видимо спрыгнул позже и он приземлился далеко в лес, но нам нигде было искать его.

Второй случай. В один из дней я вышел на магистраль посмотреть за порядком. Навстречу мне везут под строгим арестом комбрига, а сзади его, шофер везет новенькую эмку /М-1/ Я поднял руку-знак остановиться. Передо мной высокий, худощавый, горбоносый, рыжеватый, в командирской шинели, из грубошерстного солдатского сукна комбриг органов НКВД. Лейтенант ОО "Смерш" спрашивает меня, может тов. Горшков освободит из-под ареста и этого комбрига? /Были случаи, я разбирался и освобождал невиновных/ "Нет не освобожу "комбрига". Это типичный ариец/немец/. Он допустил грубую ошибку, сняв шинель из грубошерстного сукна. Наши комбриги ходят в драповых шинелях. Ведите его в раздевалку-пункт, где занимаются раскрытием лица врага". "А эмку зачем ведете с пункта сбора?"-"Так это личная машина "комбрига". Он транзитом едет из Берлина в Ленинград. Это вещественное доказательство".

Вот как нагло лезли к нам враги разной масти для разведки, убийств из-за угла и диверсий. Я не могу назвать цифру пойманных и уничтоженных, их было очень много.

Прибывшие к нам командиры с фронта приносили много неприятных сведений, как о ходе сражений, так и о судьбах семей комсостава, проживавших до войны в Литве. Семьи пытались уехать из Литвы, но не все семьи в поезда. Поезда попадали под бомбежку. Уцелевших ссаживали с поездов пограничники на станции Молодечно, так как у них не было пропусков органов НКВД и военкоматов. И много, много разных неприятностей, вплоть до трагедий. Позже, многое из сообщений подтвердилось, командиры тяжело переживали за свои семьи. Но в тоже время рвались в бой, -дайте нам организованное, вооруженное подразделение и мы снова пойдем уничтожать врага.

И мы давали каждый день по сформированному и в боевом отношении сколоченному и вооруженному батальону, численностью в 600-800 человек, трех-четырех ротного состава, кадровых бойцов, в течении пяти дней-с 25 по 29-го июня включительно. Батальоны отправляли вечером- в 21-22 часа, на машинах в город Даугавпилс, а позже на рубежи сражений наших войск в том же направлении.

Первым командиром батальона был назначен Каунасский горвоенком, подполковник Алексеев. Рано утром 26 июня, через г. Даугавпилс проходила колонна машин с личным составом Литовского республиканского военкомата и их семьями. Внезапно колонна была атакована немецкими мотоциклистами. Создалась полшарная ситуация. И вот, на выручку поднялся батальон подполковника Алексеева, который уничтожил большую группу мотоциклистов / а оставшиеся в живых удрали/, освободил колонну с людьми. Эта колонна прибыла к нам в Резекне в 12 часов того же дня и нам сообщили, что в этом бою, в Даугавпилсе был убит командир батальона, подполковник Алексеев, и тяжело ранен в ногу Литовский республиканский военком, старший батальонный комиссар Богданов.

Весть о гибели в первом бою тов. Алексеева опечалила нас, но мы продолжали работать, по организации войск для разгрома врага.

29 июня, людей к нам стало поступать мало. Войска приняли наиболее организованный порядок, и при необходимости отходили организованно, на заранее подготовленные позиции.

Во второй половине дня мы получили шифрованную радиogramму, в которой сообщалось, что несколько гусеничных машин противника, пересекли шоссе в 25 км восточней г. Резекне и скрылись в лесу. Мы поняли, что это разведка противника, просочившаяся к нам в тыл по лесным дорогам. Мы решили батальон усилить за счет подразделений гарнизонной службы и передали его нашему коменданту, подполковнику Васильченко, а затем по приказу командования отвели батальон на 26 километр, где он стал готовить новые оборонительные позиции.

Наша оперативная штабная группа, прервала работу за отсутствием людей, и вернулась в штаб фронта а, кроме полковника Пленкина, который во второй половине 29 июня был назначен командиром дивизии. В штабе фронта нас использовали офицерами связи с действующими войсками.

На минутку вернусь к первому дню войны.

Числа первого или второго июня, в одном из кварталов города Пскова, во время сильной бомбежки, поднимаясь с земли, я встретился лицом к лицу, со старшим лейтенантом инженерных войск- командиром

боевой группы, которая дралась с немцами в районе высоты "Колунца", что в тех километрах от Расейня. Он сообщил мне, что они с 18.00 до 20.00 того дня уничтожили 12 немецких танков и их экипажи. Я ему сказал, что я лично наблюдал этот бой и видел только десять танков, которые пытались нас обойти—справа три и слева четыре, а первые три уже были подбиты, но я вынужден был уйти, искать вам помощь.

После уничтожения этих 10 танков немцы развернули из колонны еще пять танков, которые стали бить из пушек по нашим позициям. После обстрела, в течении 15-20 минут, два их танка попытались сделать глубокий обход наших позиций, но артиллеристы уничтожили и эти два танка. В 20.00 немцы прекратили атаки. Я спросил старшего лейтенанта, каковы результаты боя были у других двух наших боевых групп?

" Бой с немецкими танками начался почти в одно время всеми тремя группами, и все успешно справились с задачей, но точно, сколько каждая из них уничтожили немецких танков?— Я сказать не могу. Тут же старший лейтенант представил мне старшего лейтенанта, общевойсковика из 125 стрелковой дивизии. Я спросил последнего, что с дивизией? Что с командованием дивизии?—Дивизия понесла большие потери. Командир дивизии пропал без вести, а комиссар был тяжело ранен и эвакуирован в тыл, в первый день войны!"

Я сказал, что командир дивизии окружен командирами штаба и ему трудно пропасть без вести...

" Я вам сказал то, что мне сообщил штабной командир из нашей дивизии. Я же попал в Расейняйскую группу войск и не знаю того, что было в районе города Таурогена".

Несмотря на страшную бомбежку города, вой и разрывы бомб и грома армат бомбадировщиков, я хотел еще многое спросить этих двух старших лейтенантов, но меня вызвали в штаб. В штабе мне сообщили, что только сейчас они получили доклад о гибели всего личного состава сборного пункта фронта. В здание, где находился и работал аппарат пункта, попало несколько тяжелых бомб, там погибли и люди, которые находились на формировании.

Мне поручили взять в автобате восемь зисовских автобусов и вывезти из Пскова резерв командного состава фронта.

Позже, где-то при встрече, меня признал сержант, тот самый,

который был у меня наблюдателем на чердаке военкомата, в первый день войны. Он доложил мне, что их группа из казармы, уничтожила двумя пушками—6 танков, Колунуйская группа 12 танков, а которая встречала немцев со стороны станции Видукле, подбила 8 танков. Об этом он слышал, когда командиры групп докладывали капитану—артиллеристу, а его разведчики подтверждали правильность доложенного.

Итак, по неофициальным данным, у города Расейня, в первый день войны, всего было уничтожено 26 немецких танка с их экипажами. Это уже большая победа над немцами, и этому можно верить потому, что не один танк немцев, не прорвался в город. Были остановлены три большие танковые колонны немцев.

Можно верить и потому, что командир артиллерийского соединения, при встрече со мной в 22.00 первого дня войны, у села Шилува, особенно был восхищен действиями наших боевых групп, но воздержался сказать мне точный результат боя. Он видимо приказал разведчикам еще раз проверить.

Десятого июля по приказу командующего войсками северо-западного фронта от 8 июля, мы все офицеры связи были назначены на постоянные должности в действующие части, и пошли вдоль всей большой войны.

Когда у нас появились адреса полевой почты и мы их сообщили в пункты эвакуации своих семей, мы получили письма от своих жен. Вот что написала моя жена: "До Каунаса доехали быстро. Город бомбили немцы. Все люди в городе бежали бегом. Поезда на станции блокировали работники НКВД и сажали в вагоны только свои семьи, нас не пускали. Только в 17.00 силой, при помощи шофера Смирнова и сержанта Ковтун, в пятый или шестой поезд мы втиснулись в вагон, а ребят нам подали в окно. Ехали до Молодечно в ужасной тесноте, между пожаров и разрывов бомб. Мы видели, как сыплются бомбы с самолетов. Станцию Вилейку проехали буквально через огонь, в окна залетали горящие листы бумаги. Очень страшно было, когда поезд долго стоял в туннели без света. Было много кошмарных слухов, некоторые женщины впадали в истерику, и этим хуже всего пугали детей.

На станции Молодечно пограничники стали спрашивать пропуска на выезд из Литвы, ^и всех, не имеющих пропусков или эвакуационных удостоверений, какие вы нам дали, высаживали из вагонов, и они так и стались на станции. Сколько было пролито слез, взываний к

пограничникам, но они оставались непоколебимыми. В вагонах остались только семьи работников НКВД и наши Расейняйские. Почему же другие военюматы не выдали таких удостоверений семьям? В вагонах стало совершенно свободно. Как жаль, что женщины с детьми и старушками остались на мучения. Нас увезли в дом отдыха "Ахуны" вблизи города Пензы и долго не разрешали выезжать в Ярославскую область. Туда, к нам поступали новые, кошмарные сведения о семьях-беженцах".

Да, мы радовались с Громовым, что наши семьи целыми добрались к бабушкам. И очень печально было знать, что многие тысячи семей командного состава остались в Литве на страдания, унижения, гибель и угон жен-матерей от детей в рабство, в концлагеря. А ведь этого могло и не быть. Кто в этом повинен, ясно и моего рассказа.

Вот так началась Великая Отечественная война в Литве.

За эти первые восемнадцать дней войны, в жестоких сражениях с противником погибло много наших бойцов и командиров. Погибли и мои коллеги и товарищи по службе в Литве:

Вильнюсский горвоенком, полковник Николаев;

Начальник первого отдела Литовского, республиканского военкомата, майор Саковский;

Каунасский горвоенком, подполковник Алексеев;

Шяуляйский уездвоенком, майор Мухин и многие другие.

Это только начало борьбы с сильным и коварным врагом, начало потерь и страданий миллионов советских людей.

А. К. ГОРШКОВ

подполковник а/с в отставке

4 февраля 1980г.

ГОРШКОВ АЛЕКСАНДР КОНСТАНТИНОВИЧ
гор. Ростов, Ярославской области,
ул. Октябрьская, дом 53 "А"
телефон ~~2-25-22~~ 3-45-94
ИНДЕКС 152100

ул. Ленинская, д. 41 кв. 18